

18+

Us Usus

Медалистка

<https://litres.ru/74143512>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история о том, как глупость в самом начале жизни может уничтожить человека и о том, что выход есть всегда.

Us Usus

Медалистка

Медалистка

Глава 1. Проект «Уникальность»

Медаль за особые успехи в учебе, идеальный аттестат и репутация примерной девочки — всё это Лика оставила позади, как только переступила порог родного дома. Вместо предсказуемого поступления в престижный вуз она выпросила у родителей главный подарок своей жизни: целый год абсолютной свободы и путешествий. Родители, гордые успехами дочери, без лишних вопросов вручили ей банковскую карту с солидным счетом. Лика уехала. Ей до боли, до дрожи в пальцах хотелось бунта. Чего-то дерзкого, что навсегда сотрет с неё клеймо «тихой отличницы». В её планах скромно значились пара стильных татуировок и, возможно, аккуратный пирсинг.

Июльский Петербург дышал теплом. Лика шла мимо Летнего сада в легком воздушном сарафане, ловя на себе приветливые взгляды прохожих. Она выглядела как классическая хорошая девочка на каникулах. Но когда её взгляд зацепился за вывеску стильного тату-салона, внутри что-то ёкнуло. На витрине висел яркий плакат: «Ищем тату-модель для масштабного проекта».

Поддавшись внезапному импульсу, Лика толкнула тяжелую дверь. Прохладный воздух, запах антисептиков и трансферной бумаги встретили её с порога. На стойке регистрации она робко спросила о деталях объявления. Администратор понимающе улыбнулся и провел девушку вглубь студии, к хозяйке салона — статной, уверенной в себе женщине-мастеру по имени Кира.

Кира медленно оглядела Лику с ног до головы, словно оценивая чистый, еще не тронутый холст.

— Хочешь узнать детали? — усмехнулась Кира, оперевшись на рабочий стол. — Это не просто пара тату, девочка. Это полный тату-костюм, который не оставит на твоём теле ни единого миллиметра чистой кожи. Живот, спина, руки, ноги, шея, уши, голова и лицо — всё уйдет под краску. Плюс татуаж склер — твои белки глаз станут абсолютно черными. Финальный штрих — бодимодификация: титановые штифты прямо в череп, на которые закручиваются небольшие рожки. Мы готовим шедевр для международной тату-конвенции. Призовой фонд и твой гонорар за победу — двести тысяч долларов. Ну как?

У Лики перехватило дыхание. В ушах зашумело.

— Простите... — испуганно выдохнула она, попятилась к выходу и буквально выскочила из салона на залитую солнцем улицу.

До самого вечера Лика мерила шагами набережные Невы,

не замечая ничего вокруг. В её голове набатом стучали слова Киры. Полный костюм. Черные глаза. Рожки. Это был не просто бунт — это было тотальное, беспощадное уничтожение её прежнего «я». Но чем дольше она думала, тем сильнее разгорался внутренний пожар. Ей хотелось стать уникальной. Неповторимой. Для семнадцатилетней девочки, которая всю жизнь жила по чужим правилам, это казалось высшей точкой свободы. Да, это вызов обществу, родителям, всему миру. Но ведь она именно за этим и уехала! Обычную маленькую татуировку на запястье может сделать любая трусиха. А стать живым произведением искусства — единственный шанс.

Когда сумерки опустились на город, Лика робко вернулась в салон. Кира, словно знавшая, что девушка придет, молча развернула на планшете готовый эскиз.

У Лики по коже пробежали мурашки. Костюм в стиле плотного орнамента поднимался от самых стоп до подбородка. Лицо превращалось в сложную индийскую маску в темных, но невероятно красочных тонах. На этом лице не предполагалось даже нарисованных бровей — только безупречные симметричные узоры. Веки и губы должны были стать угольно-черными. Кожа головы и уши продолжали беспросветный рисунок маски, плавно перетекая в плотный черный орнамент на шее. На фоне этой величественной, пугающей маски полностью черные глаза казались единственным логичным решением.

Ли́ка тяжело сглотнула. Сердце колотилось где-то в горле, но отступать она больше не собиралась.

— Давайте... давайте сразу сделаем глаза, — её голос слегка дрожал, но взгляд был твердым. — Чтобы у меня не было шанса остановиться или передумать. А потом сразу голову, лицо и шею. Но у меня условие: я хочу увидеть результат в зеркале только тогда, когда всё будет полностью закончено.

Кира хищно улыбнулась.

— Договорились. Добро пожаловать в проект, Ли́ка.

Процесс начался без промедления. Девушку усадили в глубокое кожаное кресло. Первым делом Кира включила машинку для стрижки. Звук работающего лезвия показался Ли́ке оглушительным. Густые, ухоженные волосы отличницы мягкими прядями посыпались на пол, обнажая ровную округлость черепа. Следом мастер взяла аппарат для электропилиции. Несколько минут покалывающего тепла — и брови Ли́ки были удалены навсегда. На будущем лице-маске они были абсолютно лишними. Очистив кожу, Кира потянулась к медицинскому шприцу со специальным черным пигментом для склер. Назад дороги не было.

Глава 2. Рождение новой сущности

Первые минуты процедуры врезались в память Ли́ки острой, пугающей вспышкой. Инъекция пигмента в склеры прошла на удивление быстро — всего несколько точных движений Киры, ощущение распирающего тепла под веками, и

привычный мир вокруг Лики навсегда окрасился в густой, беспросветный черный цвет. Как она и просила, глаза закрылись до самого конца работы.

А затем началась бесконечность. Работа над головой, лицом и шеей заняла долгие, изнурительные десять часов. Звук тату-машинки превратился в сплошной, сводящий с ума гул, который вибрировал прямо в черепе. Иглы сантиметр за сантиметром вбивали краску в нежную кожу. Местами боль становилась невыносимой, обжигающей, особенно на веках, за ушами и в районе подбородка, где орнамент переходил на шею. Лика сжимала кулаки так, что ногти врезались в ладони, но не издала ни звука. С каждым ударом иглы она чувствовала, как стирается ее прошлое. Отличница, послушная дочь, правильная девочка — всё это растворялось в цветных и черных пигментах.

Ближе к утру, когда за окнами студии забрезжил бледный питерский рассвет и первые люди потянулись на работу, наступил самый сложный этап — бодимодификация. Настало время рожек.

Кира работала со стерильной точностью хирурга. Лика ощущала тупое давление и специфический хруст, когда мастер устанавливала титановые штифты с резьбой прямо в костную ткань черепа. Сначала из её абсолютно гладкой, покрытой свежими узорами головы показались лишь металлические основания. Кира шутливо похлопала её по плечу:

— Ну вот, пока без насадок ты выглядишь как иноплане-

тянка с антеннками. Самый сок.

Но медлить не стали. Кира взяла аккуратные, точеные черные рожки и плавными движениями наживила их на резьбу штифтов, закручивая до упора. Тяжесть металла и ощущение инородных предметов в собственной голове ото-звались странным, пьянящим чувством триумфа. Это была финальная точка её бунта. Печать необратимости.

Кира выключила лампу, смахнула остатки вазелина и су-кровицы с полностью изменившегося лица Лики и отошла на шаг назад, любуясь своим шедевром.

— Ну что, Лика. Проект окончен. Точнее, его первая, са-мая главная часть, — голос Киры звучал устало, но в нем слышалась гордость художника. — Открывай глаза. Пришло время посмотреть на себя.

Лика медленно, преодолевая тяжесть отекавших век, откры-ла глаза. Черные склеры мгновенно адаптировались к утрен-нему свету студии. Кира подкатила к креслу большое росто-вое зеркало.

Лика затаила дыхание и посмотрела на свое отражение. На неё смотрело существо из другого мира.

Глава 3. Зеркало бездны

В первые секунды Лика забыла, как дышать. Шок, вос-торг, липкий первобытный страх и истерический, рвущийся наружу смех смешались внутри в один оглушительный кок-тейль. Она неотрывно смотрела в зеркало, пытаясь отыскать

там хоть одну черту прежней себя — но её больше не существовало.

Вместо семнадцатилетней отличницы из стекла на неё взирало древнее, пугающее и одновременно гипнотически прекрасное божество. Кожа головы и лица превратилась в монолитную, плотную индийскую маску. Яркие, насыщенные узоры на щеках и скулах плавно переходили в угольно-черные губы и веки, а затем спускались беспросветным орнаментом на шею, исчезая под воротом летнего сарафана. Из-за отсутствия бровей лицо казалось инопланетным, лишенным привычных человеческих эмоций.

Но сильнее всего завораживали глаза. Полностью черные склеры поглощали свет, делая взгляд бездонным. А из идеально гладкого черепа, увенчанного симметричными татуировками, гордо торчали аккуратные титановые рожки. Они сидели как влитые, окончательно завершая образ живого произведения искусства.

Лица коснулась пальцами своей новой, слегка отекающей щеки. Ощущение было странным — кожа была её, но узоры делали её чужой. Внезапно из её груди вырвался нервный смешок, который тут же перерос в искренний, громкий смех свободы. Это был финал её прошлой жизни. И это было великолепно.

— Ну как? — Кира скрестила руки на груди, с улыбкой наблюдая за реакцией своей модели.

— Это... невероятно, — выдохнула Лица, и её голос на

фоне нового облика прозвучал на удивление звонко и контрастно. — Я пугаю саму себя, Кира. Но я не могу оторвать взгляд. Это именно то, чего я хотела. Полная уникальность.

Однако реальность быстро напомнила о себе. Студия закрывалась, а на часах было начало восьмого утра. Питер просыпался. Лике предстояло дойти до своей съемной квартиры через весь центр города, где на улицах уже появились первые прохожие, спешащие на работу. Смыть этот «макияж» было невозможно, спрятать рожки — тоже.

Накинув на голову капюшон, который всё равно едва скрывал её новое лицо и полностью обнажал черные глаза, Лика толкнула дверь салона. Тёплый утренний воздух коснулся её воспаленной кожи, а впереди ждало первое и самое жесткое испытание — выйти к людям в своем новом, необратимом облике.

Глава 4. Эйфория необратимости

Большие черные очки-авиаторы закрыли бездонную черноту глаз, а плотный капюшон толстовки спрятал татуированную голову. Правда, сквозь мягкую ткань предательски и остро выпирали два титановых рожка, но утренний Петербург был слишком занят собой. Люди спешили на работу, уткнувшись в телефоны, и на очередного подростка в оверсайз-балахоне никто не обращал внимания. Лика дошла до своей съемной квартиры практически незамеченной.

Оказавшись в безопасности за закрытой дверью, она пер-

вым делом заказала доставку еды — выходить на улицу в ближайшие дни в её планы не входило. Кожа на голове и лице горела, требуя покоя и заживления.

Вдруг тишину комнаты нарушил звонок. На экране телефона высветилось «Мама». Лика вздрогнула. Её уши были полностью забиты краской, отекли и сильно пульсировали, поэтому прикладывать к ним трубку было физически больно. Она быстро нажала на иконку громкой связи и бросила смартфон на кровать.

Лика легла на живот, упершись локтями в матрас, привычным девичьим движением плавно покачивая ногами в тонких капроновых колготках. Она заговорила с мамой самым обычным, ровным и спокойным голосом, будто ничего не произошло: рассказывала про питерские музеи, хорошую погоду и свои планы на неделю.

Прямо напротив кровати висело большое ростовое зеркало. В процессе разговора Лика бросила в него случайный взгляд и замерла. В отражении, покачивая стройными ногами, лежало существо с абсолютно лысой, увенчанной острыми рожками головой. Лицо-маска с черными, как ночное небо, глазами бездумно смотрело на телефон. На этом лице застыла странная, завораживающая полуулыбка. Лике одновременно было жутко, страшно, но внутри нее бушевала настоящая, чистая эйфория. Дикий восторг от того, что она посмела это сделать.

Закончив разговор и пожелав маме хорошего дня, Лика

отключила вызов. Она медленно поднялась с кровати, подошла к зеркалу вплотную и достала телефон. Лика открыла галерею со своими старыми фотографиями.

Контраст был оглушительным. С экрана смартфона на неё смотрела милая девочка-отличница с аккуратными бровями и длинными русыми волосами. А из зеркала — фантастическое, пугающее божество. Лика переводила взгляд то на экран, то на свое новое лицо, до конца осознавая: это не смуть. Никогда. Прежней Лики больше нет.

Она еще не понимала всех последствий своего выбора — как отреагируют родители через год, как на неё будут смотреть на улицах, как сложится её дальнейшая жизнь. Но адреналин и осознание собственной абсолютной уникальности перевешивали любой страх. Она такая одна на всем белом свете. Она неповторима.

С этими пьянящими мыслями Лика забралась под одеяло огромной кровати и мгновенно провалилась в глубокий, восстанавливающий силы сон. Перед сном в её голове промелькнула лишь одна мысль: впереди её ждет татуировка всего остального тела, и этот процесс обещает быть еще более безумным.

Глава 5. Первое утро новой жизни

Лика проснулась ближе к вечеру. Обезболивающее, которое она предусмотрительно выпила перед сном, еще действовало, притупляя обжигающую пульсацию в коже. Тело

было расслабленным, а в голове царила непривычная, звенящая пустота.

Она сладко потянулась на большой кровати и на автопилоте, по старой многолетней привычке, побрела в ванную комнату, чтобы умыться. Включила прохладную воду, набрала полную горсть в ладони и плеснула в лицо. Прохладные капли мгновенно освежили кожу.

Лица подняла голову, чтобы посмотреть в зеркало, и резко отшатнулась, едва не задев спиной стену.

Сердце пропустило удар. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, где она и кто перед ней. Это был не сон. Не безумное ночное видение, которое растворяется с первыми лучами солнца. Индийская маска в темных и сочных тонах, угольно-черные губы, абсолютно черные глаза, поглощающие свет, и титановые рожки, прочно засевшие в черепе — всё это было реальностью. Её новой, единственной реальностью. Она сделала это. Навсегда.

Шок быстро сменился глубоким, пьянящим чувством удовлетворения. Лица достала заживляющий крем, который ей дала Кира, выдавила прохладную массу на пальцы и аккуратно, сантиметр за сантиметром, начала покрывать им лицо и гладкую кожу головы. Рожки под пальцами ощущались твердыми и холодными.

Глядя на то, как узоры на её коже поблескивают под слоем крема, Лица поймала себя на том, что мягко улыбается. Прошлой отличницы, которая безропотно учила параграфы

и жила ради чужих похвал, больше не существовало. И никогда не будет.

В этот момент она совершенно не думала о будущем. Её не волновало, что скажут родители, как она будет устраиваться на работу и что подумают прохожие на улицах Питера. Впервые в своей жизни семнадцатилетняя девочка приняла решение сама — радикальное, сумасшедшее, ломающее все шаблоны. И она смогла довести его до конца. Лику переполняла чистая, ничем не разбавленная радость от собственного поступка. Она была уникальна, и этот триумф принадлежал только ей.

Глава 6. Плотный холст

Прошло чуть больше недели. Кожа на лице и голове зажила, отек полностью спал, а яркие пигменты индийской маски окончательно улеглись, став частью её тела. Лица больше не чувствовала жгучей боли — только непреодолимый, пьянящий азарт продолжения. Замкнутое пространство квартиры начало давить на неё. Пришло время двигаться дальше по намеченному пути.

Она дождалась глубокой ночи, когда Петербург погрузился в глухую, прохладную тишину. Накинув уже привычную объемную толстовку с капюшоном, Лица скользнула за дверь. Острые титановые рожки по-прежнему предательски натягивали плотную ткань, выдавая её нечеловеческий силуэт, но ночные улицы были пусты. Съёмная квартира нахо-

дилась всего в паре кварталов от студии Киры. Ли́ка, словно тень, прошмыгнула через сеть темных питерских подворотен и проходных дворов, умело избегая редких прохожих и случайных машин.

Дверь салона открылась без звука — Кира ждала её именно к этому часу, когда город засыпает. Внутри горел лишь мягкий, сфокусированный свет над рабочим креслом.

— Ну привет, моя инопланетянка, — негромко встретила её Кира, оценивающе разглядывая безупречно зажившее лицо-маску и бездонные черные склеры Ли́ки. — Вижу, ты готова. Назад не тянет?

Ли́ка вместо ответа молча стянула капюшон, обнажая идеальные узоры на черепе, и уверенно шагнула к креслу. Ее шея уже была частично забита плотным черным орнаментом, который резким контрастом спускался от цветного подбородка. Но этот узор обрывался у ключиц, оставляя остальное тело чистым. Пока еще чистым.

— Сегодня опускаемся ниже, — твердо произнесла Ли́ка. Её голос, звучавший из-под безэмоциональной маски, казался гипнотическим. — Я хочу забить плечи и грудь.

Кира хищно улыбнулась и кивнула. Она быстро подготовила рабочее место, расставила колпачки с краской и перевела масштабный трансферный рисунок на нежную девичью кожу Ли́ки. Сложные, переплетающиеся линии орнамента идеально легли на ключицы, плечи и аккуратную грудь, обещая навсегда спрятать её женственность за броней из несмы-

ваемых узоров.

Ли́ка улеглась на кушетку. Первые удары иглы пришлись на область ключиц — кость отозвалась резкой, дребезжащей болью прямо в груди́не. Но Ли́ка лишь глубже вдохнула ночной воздух салона и закрыла свои абсолютно черные глаза. Машинка Киры зажужжала на полную мощность, сантиметр за сантиметром поглощая чистую кожу и превращая юное тело отличницы в единый, монолитный тату-костюм. Процесс, который сделает её окончательно неузнаваемой, официально продолжился.

Глава 7. Черное кружево

Боль на груди и ребрах оказалась совершенно иного порядка, чем на лице. Здесь, где кожа была тонкой, а нервные окончания чутко реагировали на каждое прикосновение, иглы тату-машинки ощущались как непрерывный поток раскаленного жидкого металла. Когда Кира вела контур по ребрам, вибрация отдавалась во всем теле, заставляя легкие непроизвольно сжиматься. Ли́ка судорожно хватала ртом воздух, ее пальцы намертво впились в края кожаной кушетки, но она не позволила себе ни единого крика. Только тихий, прерывистый шепот сквозь плотно сжатые черные губы. Она терпела. Ради своей уникальности она была готова сжечь любые болевые пороги.

Кира работала сосредоточенно, миллиметр за миллиметром превращая нежную девичью плоть в живой гобелен.

Особое внимание мастер уделила геометрии костюма. Сложный анатомический орнамент, состоящий из сотен тончайших линий и плотного черного закраса, ювелирно огибал контуры грудей, визуально подчеркивая их естественную форму и делая силуэт еще более изящным, но при этом пугающе нечеловеческим.

Финальным и самым жестким испытанием этой ночи стали соски. Кира сменила иглы на плотный пучок магнума и безжалостно забила их в глухой, непроницаемый черный цвет. Боль на секунду ослепила Лику, заставив ее выгнуть спину, но барьер был пройден.

Когда к утру машинка наконец затихла, Лика обессилено откинулась на подушку. Ее грудь, плечи и ключицы горели, покрытые тонким слоем вазелина и сукровицы. Плотный черный и цветной узор теперь монолитно спускался от шеи, образуя фантастический несмываемый корсет. На месте некогда чистой кожи отличницы теперь красовалась безупречная, зловещая и манящая броня, в которой соски выделялись угольными точками на фоне цветной индийской вязи.

Кира устало вытерла лоб тыльной стороной ладони и одобрительно посмотрела на Лику.

— Ты просто кремень, девочка. Многие парни ломаются на ребрах, а ты даже не пискнула. Твой костюм будет шедевром, который конвенция запомнит навсегда.

Лика медленно поднялась с кушетки, чувствуя, как горит

вся верхняя половина тела. Она подошла к зеркалу. Из него на нее смотрело существо, чья женственность теперь была неразрывно спаяна с диким, первобытным искусством. Переход на тело сделал образ завершенным, и эйфория, приглушая остатки боли, снова накрыла ее с головой.

Глава 8. Последний рубеж торса

После безумной ночи, проведенной на кушетке, возвращаться в пустую съемную квартиру казалось Лике невыносимым. Ей физически требовалось находиться рядом с человеком, который творил её новую сущность.

— Кира, — тихо позвала Лика, натягивая толстовку на горящие плечи и бережно обходя рождками края капюшона. — Можно мне... пожить у тебя в студии или дома, пока мы не закончим весь костюм? Мне тяжело одной в четырех стенах.

Кира внимательно посмотрела в бездонные черные скле-ры своей модели. В этом взгляде не было слабости, только желание идти до самого конца. Мастер понимающе кивнула.

— Места хватит, — ответила она. — Перевози вещи. Так нам обоим будет проще держать темп.

Переезд занял минимум времени. Жизнь Лики теперь полностью замкнулась внутри тату-мира. Как только кожа на груди и ребрах слегка зажила, прекратив непрерывно гореть, Кира объявила начало нового этапа. На очереди была спина — огромный, чистый холст, требовательный и болезненный.

Сеансы пошли один за другим, сливаясь в бесконечный

марафон из жужжания машинки, запаха антисептика и заживляющих мазей. Спина далась Лике даже тяжелее груди. Когда иглы Киры методично вбивали краску вдоль позвоночника и по лопаткам, боль глухим эхом отдавалась в самой голове, заставляя титановые рожки словно вибрировать в такт ударам. Но близость Киры и её жесткая поддержка помогали держать удар.

Через несколько недель торс Лики был готов полностью. Сложный, плотный орнаментал замкнулся в единую, монолитную броню. Потоки узоров спускались от шеи, обвивали плечи, покрывали грудь, ребра и спину, сходясь на животе в идеальную, симметричную композицию.

Финальной точкой этой части проекта стал пупок. Кира, не нарушая гармонии узора, плотно залила его изнутри глухим, угольно-черным пигментом — точно так же, как до этого забила соски.

Когда Лика встала перед зеркалом в полный рост, её охватило новое, еще более мощное чувство экстаза. Вся верхняя половина её девичьего тела — от макушки до линии бедер — превратилась в единый фантастический костюм. Из зеркала на неё смотрело невероятное существо. Ровный цветной орнамент индийской маски на лице плавно перетекал в беспросветную черноту шеи, а затем взрывался хитросплетениями узоров на торсе, где пупок и соски выделялись тремя идеальными черными точками.

Чистая девичья кожа осталась только ниже талии — на

бедрах и ногах. Но Лика уже знала: очень скоро эта пустота тоже исчезнет.

Глава 9. Завершение холста

Время потеряло свой привычный ход. Лика полностью растворилась в графике сеансов, прописавшись в тату-студии. Теперь, когда верхняя часть её тела превратилась в монолитный шедевр, вид чистой кожи на бедрах и ногах казался ей неправильным, незавершённым. Словно картину бросили на половине пути.

— Ну что, Лика, остался последний рывок до конвенции, — Кира разложила на столе массивные рулоны с трансферами. — Переходим на ноги и ягодицы. Рисунок я разработала так, чтобы он анатомически подчеркивал твою стройность.

Лика молча кивнула. Её бездонные черные склеры отражали холодный свет ламп. Она легла на кушетку, готовая принять финальные литры краски.

Этот этап стал самым сложным с точки зрения геометрии. Тонкие, выверенные линии орнамента плавно спускались от талии вниз, обвивая бедра и ягодицы, визуальнo приподнимая их и подчеркивая изящный девичий силуэт. Особый акцент Кира сделала на коленях — узоры закручивались вокруг чашечек в плотные, гипнотические концентрические круги, которые сужались к голеням, делая ноги бесконечно длинными и стройными.

Но настоящим адом, по сравнению с которым померкли

даже ребра, стала промежность. Когда машинка Киры подобралась к самым интимным, нежным зонам, Лику затрясло. Боль в паху была невыносимой, острой, бьющей прямо по оголенным нервам. Кожа там была настолько чувствительной, что каждый удар пучка игл казался пыткой раскаленным клеймом. Лица до крови прикусила свои черные губы, по её татуированным щекам текли беззвучные слезы, а пальцы судорожно сжимали простынь. Это было невероятно жестко. Несколько раз Кире приходилось останавливаться, чтобы дать модели перевести дыхание и обработать воспаленные участки мощным анестетиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.